

— Ну как, неплохо? — заметив взгляд Хань Хэна, Чжуан Лин сжал собственное плечо. — Силы мне не занимать. Помню, ходил с батюшкой на охоту, так в одиночку завалил черного медведя. Шкуру матушке отдал — на подстилку.

— Всё равно я ничего не помню, — буркнул Хань Хэн. — Можешь хоть до небес себя превозносить, ложь от правды я не отличу.

Чжуан Лин усмехнулся. С наступлением сумерек он заметно повеселел и злиться не стал. Напротив, перехватив ладонь Хань Хэна, он бесцеремонно прижал её к своему плечу.

— Даже если бы и помнил, обо мне ты вряд ли бы что-то знал, — равнодушно отозвался он.

Его ладонь была горячей и сухой, а пальцы — шершавыми от мозолей.

Под пальцами Хань Хэна перекачивались упругие, жесткие жгуты мышц. Кожа Чжуан Лина, горячая и на удивление гладкая, была совсем не похожа на его собственную. Скользнув ладонью чуть выше, к самому плечу, Хань Хэн наткнулся на неровный рубец. Присмотревшись, он разглядел две уродливые полосы, тянувшиеся наискось через всю спину и резко выделявшиеся на крепком, тренированном теле.

— Это медведица оставила на память, — Чжуан Лин обернулся. В его голосе скользнула то ли скрытая угроза, то ли простое бахвальство: — Я лишил её жизни, а она едва не лишила меня моей. Но страха я не знаю. Чем опаснее игра, тем она заманчивее.

Коротким взмахом грязного плаща он смахнул капли воды с шеи и груди, после чего небрежно накинул потрепанное одеяние на плечи.

Глядя ему вслед, Хань Хэн запоздало осознал всю глупость своих сегодняшних выходок. Пытаться выместить злость на таком человеке было чистым безумием — силы были слишком неравны.

Не дожидаясь окрика, он торопливо пристроился сзади и заискивающе заговорил:

— Господин... То есть, хозяин, вы и впрямь невероятно сильны. Клянусь, я больше и шагу ступить против вас не посмею.

Чжуан Лин лишь презрительно фыркнул. Угоднический тон Хань Хэна мгновенно стёр с его лица остатки благодушия.

— Я ведь от чистого сердца! — не унимался тот. — А куда мы, кстати, направляемся? Может, мне поклажу понести, чтобы вам полегче было?

— Если услышу от тебя хоть слово, вырву язык, — сухо, не оборачиваясь, обронил Чжуан Лин.

Хань Хэн послушно прикусил язык, но про себя презрительно хмыкнул. «Понятно, набитые дураки с кулаками всегда терпеть не могут лести». Впрочем, мимо его ушей не проскочило упоминание «батюшки-князя». Если этот грубиян действительно знатного рода, значит, в его усадьбе слуг пруд пруди. Нужно осмотреться на месте. Если удастся пристроиться на какую-нибудь непыльную работу, чтобы просто выжить, это уже будет победой.

Главное — держаться подальше от этого ненормального. Любому ремеслу можно выучиться с нуля, лишь бы не делить кров с психопатом, который распускает руки по любому поводу.

Стоило им выйти на равнину, как Чжуан Лин уверенно зашагал вперед, словно сверяясь с невидимым компасом. Спрашивать дорогу в безлюдной глуши было не у кого, но он точно знал, куда идти.

Хань Хэн едва преодолел пару верст, как силы окончательно его покинули. Хватая ртом воздух, он взмолился:

— Всё, больше не могу... Ноги не держат.

— Предлагаешь мне тащить тебя на спине? — ледяным тоном осведомился Чжуан Лин.

Хань Хэн судорожно сглотнул и с надеждой закивал:

— А можно?

Если они не остановятся, он просто испустит дух. Черт бы побрал это тело — хилое, изнеженное, точно у барышни.

— Отчего же нельзя, — легко согласился Чжуан Лин. С тихим шорохом он выхватил короткий кинжал, крутанул его в воздухе и добавил: — Вот отнимутся у тебя ноги — тогда и понесу.

Хань Хэн, успевший было опуститься на траву, поспешно вскочил. Стиснув зубы и преодолевая слабость в налитых свинцом ногах, он заковылял следом.

— Долго еще? — едва слышно выдавил он.

— Еще часа два, — раздраженно бросил Чжуан Лин. Он резко обернулся и схватил спутника за руку, но тот внезапно вскрикнул от боли.

Морщась, Хань Хэн закатал рукав. На худом предплечье живого места не было — сплошные

синяки и ссадины. То ли последствия падения в ущелье, то ли следы недавних «воспитательных мер» его спутника.

— Шевелись. В городе найдем лекаря, да и лошадей присмотрим, — уже мягче произнес Чжуан Лин.

При упоминании лошадей у Хань Хэна словно открылось второе дыхание.

— Вот и славно... — Он на миг задумался. — Послушай, а у тебя деньги-то есть?

— Имеются, — прищурился Чжуан Лин. — А что, надобно?

— Живот подвело, — состроил сиротливую мину Хань Хэн. Эх, знал бы он, какая его ждет голодовка, не стал бы воротить нос от остывшей похлебки с ребрами.

— Хочешь сытно есть — изволь трудиться, — отрезал Чжуан Лин.

— А в долг нельзя? Я сейчас и ведра не подниму, — Хань Хэн закатал второй рукав. Под слоем дорожной пыли его кожа отливала мертвенной белизной, на которой уродливыми кляксами выделялись багровые кровоподтеки. Стоило взглянуть на них, как все тело заныло с новой силой.

— Увы, — Чжуан Лин хищно осклабился. — В моей лавке долгов не записывают.

Хань Хэн разочарованно надулся. «Ну и сухарь». Ладно, доберемся до постоянного двора, а там видно будет. Боль становилась невыносимой, без мазей и притирок явно не обойтись.

Когда на полпути Хань Хэн начал окончательно валиться с ног, Чжуан Лин, шедший легким и скорым шагом, даже не подумал облегчить его участь. Он лишь бесцеремонно схватил его за запястье и поволок за собой. Идти на привязи было тяжело, но все же лучше, чем остаться одному в ночной глуши.

Новый мир пугал своей безвестностью, и самым парадоксальным было то, что единственным знакомым существом во всей этой дикости оставался взбалмошный мерзавец, шагавший впереди.

На рассвете сквозь утренний туман наконец проступили очертания городских ворот. Обещанные «два часа» растянулись на добрую половину ночи, но Хань Хэну было уже все равно. Вид обитаемого места наполнил его ликованием.

На улицах повсюду кипела утренняя торговля. Прохожие, как и Чжуан Лин, щеголяли в длиннополых одеждах и с высокими прическами — настоящие люди древности. Отоварные

лавки и лоточники зазывали покупателей наперебой. Пахло свежими лепешками, наваристым бульоном и тушеными овощами. У Хань Хэна рот наполнился слюной. В прошлой жизни он терпеть не мог лапшу, признавая только чистый белый рис, но сейчас готов был сожрать даже подошву, лишь бы утолить голод.

— Погоди, сначала найдем ночлег, — Чжуан Лин бесцеремонно схватил его за шиворот, не дав растяпе наброситься на первую же паровую булочку, и увлек захлебывающегося голодной слюной попутчика под вывеску постоянного двора.

Трактирщик смерил их оценивающим взглядом. Оборванные, грязные, лица в синяках... Он презрительно скривился и нехотя вернулся к своим счетам. Чжуан Лин хладнокровно достал из-за пазухи крупную ассигнацию и шмякнул её на стойку.

Лавочник мгновенно расплылся в приторной улыбке:

— Чего изволите, господа почтенные? На сколько ночей остановитесь? Вижу, путь у вас был неблизкий. Может, желаете откусать с дороги? Наша кухня как раз открылась!

Хань Хэн мало смыслил в местных деньгах, но по разительной перемене в поведении хозяина понял: сумма приличная. Осознание того, что его мучитель не обделен монетой, принесло заметное облегчение. За время пути бедолага трижды мучился животом — то ли дикая макака занесла заразу, то ли кислые лесные ягоды, которыми их кормил Чжуан Лин, оказались ядовитыми. Сам-то мерзавец уплетал их пригоршнями без всякого вреда для своего луженого желудка.

Комната напоминала декорации к историческому фильму, разве что мебель выглядела по-настоящему старой, потемневшей от времени. В воздухе пахло сухим деревом и благовониями — никакого затхлого духа сырости.

После суточного марафона по бездорожью икроножные мышцы Хань Хэна одеревенели. Рухнув на жесткую постель, он почувствовал, как ломота разливается по всему телу. Шевельнуть пальцем и то было выше его сил.

— А ну вставай, чучело. Весь в грязи, постель испачкаешь, — раздался над ухом недовольный голос.

Хань Хэн мысленно выругался, но послушно сполз на пол под тяжелым взглядом Чжуан Лина, который бесцеремонно вздернул его за шиворот и заставил выпрямиться.

— Сейчас принесут воду. Сначала отмоешься.

Хань Хэн, изнывая от усталости, сладко зевнул:

— Да-да, поскорее бы...

Чжуан Лин смерил его странным взглядом. Ленивый, сонный голосок этого недотепы никак не вязался с образом прежнего Хань Хэна — высокомерного гордеца, взиравшего на всех с недостижимой высоты. Сомнений не оставалось: этот человек действительно потерял память. Иначе он бы от одного вида собственной заляпанной одежды лишился чувств.

Он распахнул дверь и вышел в коридор.

Едва щелкнула защелка, Хань Хэн пулей взлетел обратно на ложе. Каждая секунда блаженства была на счету. Он устался на дымчатый шелковый полог, расшитый парой уток-мандаринок. Работа была тонкой, почти ювелирной. Лениво поглаживая пустой, ввалившийся живот, он погрузился в размышления.

«Интересно, в какую эпоху меня занесло? Кем был этот парень?» Судя по всему, далеко не нищим. Он поднял перед лицом тонкие, изящные ладони. Даже покрытые грязью, пальцы казались слишком тонкими для мужчины — бледные, почти прозрачные, словно выточенные искусным мастером из кости. Наверняка до увечья этот Хань Хэн обладал редкой красотой. Что ж, справедливо: в прошлой жизни Пэй Цзя тоже славился своей внешностью, и небеса милостиво уберегли его от перерождения в теле какого-нибудь уродца. Главное — разузнать все о своем происхождении и прибрать к рукам причитающееся наследство.

«Чжуан Лин думает, что может вить из меня веревки, пользуясь моей амнезией? Черта с два!» Хань Хэн лишился воспоминаний этого тела, но собственный разум сохранил в целости. До того как стать Хань Хэном, он был Пэй Цзя. И пускай у него не было престижного диплома, в шоу-бизнесе он устроился неплохо, медленно, но верно пробивая себе дорогу к славе. После адской ночи в лесу он пришел к выводу: если его не заставят больше ходить пешком на край света, он выживет где угодно. Хоть посуду мыть пойдет, хоть плясать на площадях — гордость не помешает. Руки-ноги целы, на кусок хлеба всегда заработать можно.

Эти мысли изрядно прибавили ему бодрости.

За дверью слышались тяжелые шаги. Хань Хэн пулей скатился с кровати, на ходу разглаживая прямое покрывало, чтобы замести следы преступления.

Порог перешагнул трактирный слуга, тащивший деревянную лохань. На взгляд Хань Хэна, посудина была мелковата — разве что по пояс влезть.

— Сию минуту доставлю горячую воду, господа, — лебезил слуга, украдкой разглядывая их лохмотья. Не предупреди его хозяин о щедрой плате, он бы и разговаривать с ними не стал. «Рожи бандитские, поди, обобрали кого на большой дороге», — со страхом подумал парень и поклонился еще ниже.

Чжуан Лин молча кивнул на своего спутника.

— Сначала мыться, еда потом, — засуетился Хань Хэн. — И принеси что-нибудь для... зубы почистить. Есть у вас какие-нибудь щеточки или порошок?

— Разумеется, почтенный господин, все сделаю в лучшем виде!

Как только за слугой закрылась дверь, в комнате воцарилась тяжелая, гнетущая тишина. От утренней духоты пропотевшая одежда неприятно липла к телу. Хань Хэн ерзал на месте, не зная, куда девать себя от зуда и грязи.

Сидевший на лавке Чжуан Лин без лишних церемоний скинул верхнее платье, оставшись в одних портах, и с прищуром уставился на него:

— Чего паришься? Скидывай тряпье.

— Да нет... мне нормально, — соврал Хань Хэн.

Странное дело: вроде оба мужики, но раздеваться при Чжуан Лине совершенно не хотелось. У того был такой хищный, пронизательный взгляд, что Хань Хэну казалось — сними он одежду, и этот тип раздерет его живьем одним взглядом.

— Дело твое, — равнодушно хмыкнул тот.

Вскоре слуги притащили ведра с исходящей паром водой.

— Хозяин, прошу, вы первый, — заискивающе улыбнулся Хань Хэн. Сам он надеялся переждать это время в коридоре, а потом уж без спешки отмыться в чистой воде.

— Само собой, я, — Чжуан Лин без смущения залез в ушат и, протянув Хань Хэну жесткую мочалку из сушеной тыквы, коротко велел: — Три.

Хань Хэн опешил. Роль безропотного слуги все еще давалась ему с трудом.

— Я ведь... ничего не помню из прошлой жизни. Могу ненароком и сплеховать, — осторожно пробормотал он, заходя сзади. Пытаясь воссоздать в памяти движения массажистов из элитных салонов красоты, он принялся аккуратно водить мочалкой по широкой спине.

— Боишься меня? — не оборачиваясь, спросил Чжуан Лин.

— Что вы, нисколько! Просто хочу предупредить заранее: коли сделаю что не так — не гневайтесь, будьте великодушны.

Чжуан Лин брезгливо поморщился.

Хань Хэн, разумеется, этого не заметил. Услышав в ответ лишь невнятное мычание, он облегченно вздохнул и усерднее принялся за дело. Накануне он уже успел оценить атлетическое телосложение своего спутника, так что теперь созерцание бугрящихся мышц не вызывало у него прежнего трепета.

Закончив с хозяином, Хань Хэн дождался, пока слуги сменят воду, и уже приготовился стянуть с себя грязные обноски, как вдруг замер. Чжуан Лин и не думал покидать комнату.

— Э-э... Ты разве не выйдешь? — опешил Хань Хэн.

Он насмешливо вскинул взгляд:

— С какой стати мне уходить? У тебя там что, сокровища припрятаны, которые чужим показывать нельзя?

— Не люблю, когда на меня глазеют, — буркнул он. Меньше всего ему хотелось обнажаться перед этим непредсказуемым типом. Будь его воля, он бы вообще держался от него за версту.

— Раздевайся живо, не тяни время.

«...»

На съемках исторических фильмов актеров всегда обхаживали костюмеры. Оказавшись один на один со сложным кроем древнего халата, Хань Хэн запутался в бесчисленных завязках. Ковыряясь в узлах, он взмок от досады и бессилия.

— Ты и одеваться разучился? — с неприкрытым изумлением хмыкнул Чжуан Лин.

Хань Хэн промолчал, продолжая сердито дергать запрятанную тесемку.

— Дай сюда.

Чжуан Лин задумчиво потер подбородок и с вкрадчивой усмешкой шагнул ближе. Его взгляд потемнел. Он то и дело забывал, что этот человек, когда-то занимавший недостижимую высоту, ныне превратился в чистый лист. И на этом листе Чжуан Лин мог начертать все, что его душе угодно.

— Не надо, я сам справлюсь...

Договорить он не успел. Чжуан Лин рванул полы его халата в стороны. Не заботясь о сохранности завязок, он попросту разодрал ветхую ткань.

— Всё равно тряпье на выброс, чего его беречь? — Он властно ухватил его за плечо и развернул к себе спиной. Так было гораздо удобнее разглядывать то, что доселе было скрыто от посторонних глаз.

Ему не терпилось узнать: что же осталось от великого человека, чье имя некогда гремело на всю Поднебесную, теперь, когда он лишился своего главного сокровища — безупречного лица?

<http://bllate.org/book/20487/2123003>